

Рустам МАВЛИХАНОВ

РУССКОЕ ЦУНАМИ

«...родилась в 189... году. Училась... вышла замуж... из 12 детей выжило семеро.

Служила... работала... внесла вклад в... Награждена памятными знаками

Министерства просвещения и медалью "350-летие династии Романовых".

Почётный гражданин нашего города», — примерно так звучали бы биографии сотен тысяч провинциальных знаменитостей, если бы воскресным утром 28 июня 1914 года в патриархальном балканском городке водитель, повернув не туда, не привёз своего шефа под пули сербского студента. Это тех выстрелов звучит до сих пор: в работе компьютерных кулеров системы предупреждения о ракетном нападении, в потрескивании металла спутника-шпиона, в сиренах воздушной тревоги на Ближнем Востоке, в гудении трансформаторной будки в вашем дворе и в лайках, что вы ставите в интернете — гетище Холодной войны, родившемся в попытке спасти государственный организм в случае, если история нас ничему не научила.

Июльский кризис стал давно ожидаемым землетрясением, до основания потрясшим Старый Свет. Никто не предполагал, что он выльется в суицид Европы. Что

стратегическая фривольность, так хорошо знакомая тем из нас, кто дожил до конца заплесневелой эпохи потребления, сыграет злую шутку. Но настоящие последствия наступили через три года: цунами, поднявшееся из глубины человечества, несколько раз обогнуло земной шар, заглянув практически в каждый дом и в каждую судьбу. Оно переписало все биографии — наши, наших отцов и матерей, наших дедов и бабушек, наших детей и внуков. Это — цунами Русской революции.

В этих очерках пойдёт речь о нескольких её пагачерицах, благополучно выброшенных волнами на дальние скалы. Не для того, чтобы приставить дуло к виску в ожидании неизбежного, но чтобы позаимствовать частицу той силы, что помогла им пережить всё.

СВОИ

Это был её шанс. Ничтожный, фантастический, но шанс. Какой выпадает раз в несколько жизней. Если местные ламы не врут.

Сретенск¹ — место, где встречаются железная, кровавая дорога и чистая река, городишко, зажатый меж сопок, — разгорался с окраин. Огонь медленно подступал к десятку «дворцов» провинциальных нуворишей и нелепой одинокой триумфальной арке — сюда когда-то, вечность назад, изволили припереться наследник престола. Обыватели прятались по погребам, обороняющиеся — стягивались к пристани, на которой не оказалось парохода, обещанного местным промышленником. Впрочем, он уже висел на своих воротах — между вензелей и уточек.

Окраины огрызались. Зло плевали пушки белых казаков с сопок, отчаянно стрекотал пулемёт у депо. Безнадёжно. Было бы дело где-нибудь на Волге, там ещё, может, и пощадили бы — там красных лишь ставили к стенке или топили на баржах. Но тут расправа была по-даурски суровой. Тем более над своими, над красными казаками — без пролития крови, с перерезанными сухожилиями, вниз головой: «бешеный барон» был мистиком, «предателей России» вешал как на XII аркане Таро. А семёновцы ещё и кишки выпустят.

¹ Сретенск — город в Забайкалье.

И вот теперь напротив Али сидел шанс. Ничтожный. Который можно даже не принимать во внимание. Надёжней застрелиться.

Дурак Андоверов¹! Говорили же ему: собери своих, отобьёмся, уйдём по Шилке в Китай, а там — православные направо, ваши — налево! Их же полно — тут, в Сретенске, чуть ли не вторая черта оседлости. Ссылные. Как рассказывал ей муж, там, в западной черте оседлости, у них ни денег, ни оружия отбиться от погромщиков. Вот они и старались попасть в ссылку, во «внутреннюю эмиграцию» — здесь ружьё у каждого: тайга! А в тайге — золото.

Отбились бы. Хоть как, но отбились. Но нет, упёрся, куркуль, с краснопузыми-де дела не вожу, свои люди, сочтёмся. Золотом счестся хотел, дурак. А теперь атаман будет их крестить — «или огнём, или водой». Им повезёт, если водой — хоть не заживо гореть.

Могла ли знать дочь самарского юриста, сколько огня и воды принесёт ей любовь. Муж заразил её интересом к Востоку, она выучила японский и монгольский, и когда его сослали в Сибирь — без раздумий, как в ангарскую прорубь головой, поехала с ним. Заре своей жизни навстречу. Первые три года — огонь в печурке, пара картофеля на ужин, шаль на плечах, зябнувшие пальцы, которые он отогревал своим дыханием. Потом, после конца срока, — ночные костры в экспедициях, израненные руки в бамбуковых джунглях Сахалина, амурские мари, соляные топи Барун-Торей², тигриный рык, отзывающийся вибрацией в животе, реки, закипающие нерестающейся кетой, а по утрам — синие моря полубезымянных хребтов до самого края мира.

Когда мир превратился в войну, муж сделал свой выбор: и потому, что, как исследователь и путешественник, был скорее социалистом, и потому, что сочувствовал туземцам, цинично спаиваемым местными «рачительными хозяевами» — перекупщиками пушнины. Он понимал их: самогоном платить экономней. Но не принимал.

А война загнала их в Сретенск. Место сретения жизни и смерти.

Где она встретила свой шанс. Своё зеркало. Несостоявшуюся подругу. Таковую же, как она, закинутую любовью к чёрту на кулички — или к дьяволу в печень. Аля ещё раз перечитала документ: «Анна Пакшина. Фельдшер 3-го класса медицинской службы императорского флота». Рост, вес, цвет глаз, возраст — всё совпадало. Цвет волос отличался, но сейчас тиф гуляет — все выбриты налысо. А в остальном — почти копия. Русские отличат сразу, но фотокарточки к документу не прилагается, а для японцев мы все на одно лицо. Может, «муж» Анны и отличил бы, но вон он — лежит в углу двора без головы и без мундира: очередной безвестный «китаец», каких тысячи сгинуло в русской гражданской войне.

Уроженка Барнаула, жила во Владивостоке, потом в Харбине... Допрашивать Анну было легко: в её глазах читалось настолько лютное, чуть ли не животное желание жить, что даже не пришлось бить — достаточно было направить маузер в лоб. В 1910-м, во время маньчжурского мора, работала в противочумном отряде Марии Лебедевой³. После гибели врача («надо же, в 35 лет — как нам с ней сейчас») завербовалась к японцам, славившимся жестоким карантинном, — на большую землю было не выбраться. Барон Китасато Сибасабуро⁴, глава японского отряда, взял Анну под крыло: санитары вымирили целыми госпиталями, и лишние руки были в цене. На международной конференции эпидемиологов в Мукдене (подумать только: врачи со всего мира поехали в брюхо к самой Чуме!) познакомилась с лейтенантом медицинской службы флота. Влюбилась, он стал её содержать и всюду возить с собой: Токио, Гонконг, десант на германских островах в Тихом океане, интервенция в Россию. И вот — Сретенск. Конец карьеры.

Попались они глупо: занимались любовью в вагоне, когда на станцию накатили красные. Любовь была, похоже, в японском стиле — с игровым насилием, — и кончилась по-японски:

— Прости, Рюкити, — сказала Аня, приставив к его голове наган с одним патроном, — но жизнь я люблю больше.

— Это хорошо, что любит, — прокомментировал Але муж, сравнивая женщин. — Как там... жизнью жизнь поправ? Жить — это чудно. И чудно, — добавил он, отсекая голову японцу: чтобы не опознали.

Теперь выбирать предстояло Але... Надёжней бы пулю — вот сюда, в ямку над

¹ Яков Андоверов — «патриарх» богачей Сретенска, из ссылных евреев.

² Барун-Торей и Зун-Торей — озёра в Даурии.

³ Лебедева Мария Александровна (1875-1911) — уроженка Нарыма (Томская губ.), врач, доктор медицины; после окончания Женевского университета служила доктором на Енисее; погибла в борьбе с маньчжурской чумой.

⁴ Китасато Сибасабуро (1853-1931) — японский врач, один из первооткрывателей (наряду с Йерсеном) возбудителя чумы.

ключицей, сверху вниз, в сердце — не обезобразить грудь. Остаться красивой навсегда. Но... он завещал: «Прощай, товарищ жена. Выберешься — помнишь ту ступу на перешейке между Зун и Барун Торейями, где нас лама обвенчал? Я там у деревца — оно одно, не ошибёшься — закопал свои заметки. Попытайся забрать их. Когда всё успокоится. Сильно не рискуй».

Значит, так тому и быть.

А медицину подучит. Хотя бы в память об этой, напротив, на которую пора перестать смотреть как на человека. Потому что напротив — зеркало. А у женщины нет врага ближе, чем зеркало.

— Иди, — махнула Аля.

— Куда? — трясущимися губами, сухим горлом спросила Аня.

— Туда, — Аля кивнула на дверь. — Ты же хотела жить?

— А... — исподлобья взглянула Аня. — А... а моя одежда? — кивнула она на полевую форму.

— Времени нет, — звуки пожара приближались. Кажется, бой шёл уже вокруг банковской четырёхэтажки.

Анна подскочила. Боясь поверить, на негнувшихся ногах пошла к выходу. Вот крыльцо — доска подгнила, гвоздь торчит, не наступить. Двор. Труп лошади, убитой осколком. Море её крови. Ещё тёплой... такой тёплой... такой нежной. Яркое, до одури, серое небо. Какое-то тело в углу, без головы. Как же его звали?... Запах гари. Сладкий запах гари. Не надыхаться... Проём ворот. Всё ближе. Пять шагов. Четыре. Свет! Свобода! Я жива!!!

Выстрел удачно снёс половину головы. Аля подбежала и разрядила остатки барабана в лицо. Деловито, без ненависти — не до неё, когда нужно быстро становиться Анной, фельдшером 3-го класса императорской армии... стоп, флота! Застыла на секунду: тело, в одном исподнем, быстро наливавшемся кровью, было красивым — ему бы жить и жить. Мёртвый глаз лошади блестел укоризной.

«Извини, — застыла она на мгновение. — Так... Собралась! — скомандовала себе. — Что со мной делали «красные палачи»? Чёрт, надо было раньше об этом позаботиться, пока мой жив был! А он смог бы?»

Аля — нет, уже Аня — два раза глубоко вдохнула-выдохнула и прижала ещё горячий ствол к животу. Боль чуть не согнула пополам, но — время! Забежать в дом, надеть японскую форму, достать кочергу из печки — «помнишь вечера в ссылке? шаль... боже, верни меня в ту шаль...» — приложить к бёдрам, отдышаться, к спине, отдышаться, проклятье, надо было застрелиться, что сделать с лицом, чем себя ударить? документы! — в карман... топот у ворот. Всё.

— Ух, глянь какая! — прозвучал зычный голос. Гнедая туша толкнула её на землю, копыто мелькнуло над головой. — А ну вставай, подстилка большевицкая! Втопчу! — Аля приподнялась, казак перегнулся, схватил её за ворот и ударил о стремя. Кровь хлынула из рассечённой брови. — Чё, не навалаясь под красными? — ухмыльнулся он в усы. — Ничё, под нами полежишь! Пшла!

Женщина утёрла лицо, вышла за ворота, направо. Камни впивались в босые ноги, напоминая: ты ещё жива. Но... свинцовое небо, боль от ожогов, вонь горящих домов, хлебов, плоти, рёв запертой скотины, вой молодец, которых за волосы оттащивали от семей, тёмная река, набиваемая мужиками, бабами пострашней, детьми — «всё-таки водой», — мат... её, красные, казаки, уже голые, уже вниз головой... муж? да, это он, эту руку, нелепо лежащую около иссечённого, но ещё дышащего тела, она узнала бы из тысячи, — и солнце, пробивающееся из-за туч и дыма.

— До последнего стоял, отстреливался, — кивнул усатый конвоир молодому.

— Так ведь он свой, тоже казак... наверное.. — просипел тот.

— Тьфу ты! Был бы чужой, китаёз какой, — прогнали бы в евонный Китай! А своих куда прогонишь со своей земли? Только в землю!

— Та я не о том! Может, кончить его, что ж так мучить-то? — возразил молодой.

— А пуцай полежит, подумает, как против нас идтить! — гоготнул усач.

И Аля решила: она будет жить. Она пройдёт все допросы — вон навстречу уже спешит офицер, он заберёт её, патриоты побоятся конфликтовать с японцами, — а потом переживёт и японские пытки, и выйдет с новым именем, и будет жить — это обещает золотой закатный свет, заливающий изумрудные сопки, этого требует Река, которую заставили уносить тела баб и мужиков... Жить. Хотя бы для того, чтобы вырвать глотку у этого гарцеватого гоготуна, затолкать трахею в его жену, закопать их в землю.

Потому что он тоже свой.

Потому что гражданские войны не кончаются никогда.

ТРИ ИМЕНИ АИ АЯБИ

七転八倒 — «Семь поворотов и восемь падений». Этой китайской поговоркой можно было бы охарактеризовать жизнь героини сегодняшнего очерка, служащей прекрасной иллюстрацией того, как цунами Русской революции несло на гребне волны судьбы людей.

На 347-й странице I тома «Истории войны на Тихом океане», вышедшей в 1957 году под общей редакцией Усами Сэйдзиро, в сноске значится: «Цайлэн Цай (кит. 彩冷彩), она же Аяби Ая (яп. アヤビエ アヤ), урождённая Алла Ежова (1884, Ставрополь-на-Волге, Самарская губ., Россия — не ранее 1971, Тайбэй или Манила) — русский врач и авантюристка».

Достаточно скупая информация, не правда ли? Хотя осторожность редакторов объяснима — и вы их поймёте, если дочитаете статью до конца. Ну а мы, 65 лет спустя, можем позволить себе быть смелыми и рассказать о её жизни, не опасаясь за собственную.

Итак, в 1910 году Алла Ежова вышла замуж за Владимира Семёновича Савинкова (1874-1918, погиб в бою) — геолога, эсера, первого секретаря Красной Амурской казачьей бригады. Сопровождала его в ссылке, по окончании срока — участвовала в геологических экспедициях мужа по Дальнему Востоку. В 1918-1920, после разгрома бригады, по некоторым сведениям, находилась под следствием в Сисо кэйсацу (思想警察, «полиция мысли»), по другим — училась в Бэйянском военно-медицинском училище (Пекин).

Весной 1921 года проходила «практику» с японской «медицинской» миссией в Улясутае (Внешняя Монголия) при ставке князя Хатанбаатара Магсаржава (1878-1927, Герой Монгольской Народной Республики; его устам принадлежит знаменитая на востоке Степи фраза: «Чтобы сказать “Я монгол”, твое сердце должно биться ради Монголии») во время его выступления против барона Унгерна. После истребления остатков Азиатской дивизии осталась при князе, участвовала в войне против Джа-ламы — авантюриста неизвестного происхождения (возможно, из астраханских калмыков), объявившего себя реинкарнацией джунгарского князя Амурсаны¹. Местное население (особенно мусульманское и буддийское) прозвало его харгис — «лютый».

В 1917 году Джа-лама бежал из Томска и организовал своё разбойничье государство в самом сердце Шамо — Монгольской Гоби. Тогда же Аяби, видимо, впервые выдала себя за мужчину: переодевшись им, она, с Дашийном Балдандоржем (первым начальником монгольской разведслужбы), проникла в Дамбийжалцаны байшин, крепость Джа-ламы в оазисе Шар Хулсны, и приняла участие в убийстве нойона. Но главная её роль в экспедиции по ликвидации заключалась в том, что отрезанную голову «врага всех вер» требовалось заспиртовать для отправки в Ургу. Так появилась знаменитая монгольская легенда о Цаган толгое — Белой голове.

Эти события изложены в книге Фердинанда Оссендовского «Звери, люди и боги». Любопытно, что все, знавшие Цаган Толгоя, погибли насильственной смертью. Так, в 1921-м лама предсказал Унгерну смерть от рук красных, а Оссендовскому — когда «барон напомним о себе». И действительно, Фердинанд Антоний умер после визита то ли сына, то ли племянника Унгерна. Возможно, это обстоятельство должно намекать на обстоятельства, при которых Алла Ежова пропала без вести.

В благодарность Балдандорж помог ей проникнуть в Россию и вывезти тайник покойного мужа с Торейских озёр в Даурии. Материалы заинтересовали японских учёных, были изданы ограниченным тиражом в Токио и позже отчасти послужили обоснованием «Особых манёвров Квантунской армии» — плана вторжения на Дальний Восток.

Данные «практики» позволили ей в 1924 году экстерном окончить Бэйянское училище. Алла поступила на службу в один из первых в Китае медсанбатов, полностью укомплектованный русскими сёстрами милосердия, который был организован Чжан Цзунчаном по прозвищу Генерал Собачье Мясо (1881-1932, убит) — одним из варлордов Эры милитаристов: философ Линь Юйтан назвал его «самым ярким, легендарным и бесстыжим правителем современного (1920-1930-х) Китая». По свидетельствам

¹ Амурсана (1727-1757), князь, последний правитель Джунгарского ханства. Его образ — символ утраченного Золотого века в Молочной вере алтайцев.

американских военных советников, Алла Аяби лично принимала участие в штурме Нанкина в составе бригады подполковника царской армии К.П. Нечаева (1883-1946, расстрелян), ходила в кавалерийские атаки в войне губернатора Маньчжурии Чжан Цзолиня (сюзерена Чжан Цзунчана) против пробританского генерала У Пэйфу (1878-1939, скончался после удаления зуба или отравлен японцами) — главы чилийской клики северных милитаристов.

Несмотря на японских покровителей, Алла сохраняла симпатии к левым и в меру возможностей помогала им. Так, в 1926-м она, подружившись с мисс Квай, влиятельнейшей наложницей Рябого Хуана (бывшего главы гангстеров Шанхая), возглавила отдел по снабжению санитарной службы опиатами и другими препаратами из французского сектора города и организовала утечку западных лекарств партизанам, а в 1927-м пыталась организовать покушение на нового «пахана» Большеухого Ду и на его сообщника по организации Шанхайской резни 12 апреля 1927 года — председателя Муниципального совета Международного сэттльмента, американского адвоката Стерлинга Фесседена. До последнего она всё же доберётся в период японской оккупации города.

Пожалуй, это будет её последняя акция в интересах левых — деньги и власть быстро делают из человека правого.

После капитуляции Чжан Цзунчана перед армией партии Гоминьдан (1928) она бежала в Японию. Там она стала спутницей леди Дунчжэнь («Восточного Бриллианта») — цинской принцессы, взявшей японское имя Ёсико Кавасима, и с головой окупнулась в омут интриг на просторах то ли возрождающегося, то ли гибнущего Китая. Ёсико и дала близкой подруге новое имя — Цайлэн, 彩冷, «Холодный цвет» или «Окрашенная в холод».

Ёсико обучила подругу искусству годзё-гоёку-но (манипулированию «пятью слабостями» — страхом, сладострастием, гневом, алчностью и сочувствием) и дзёмон-дзюцу (применению фраз, усыпляющих бдительность или выводящих из равновесия). Наверняка Аяби ещё не раз с благодарностью вспомнит жестокие уроки Смерть-сан.

Со временем она стала вхожа в круг всемогущих Трёх сестёр Сун, одна из которых, как гласит крылатое выражение, «любила деньги, другая любила власть, а третья — любила Китай» (一个爱钱、一个爱权、一个爱国, «и гэ ай цян, и гэ ай цюань, и гэ ай го»), служила им связующим звеном с Японией и европейцами. И она же — в 50 лет! — оставалась великодержавной наездницей, то сражаясь с князем-чингизидом Дэ в Чахаре, то сопровождая очередную экспедицию в Синьцзян. Несмотря на контакты с женой Чан Кайши (одной из сестёр Сун), она предпочитала японцев — в том числе потому, что ей импонировали паназиатские идеи Сюзэя Окава (в 1948 году она даже предпримет все усилия, чтобы доказать невменяемость своего кумира и вывести его из-под суда Токийского трибунала).

Но опять-таки: хотя она оказала помощь князю Дэ в вербовке «монгольских миротворческих сил» (входивших в армию прояпонского квази-государства Мэнцзян), одновременно поддерживала другого монгольского аристократа — красного князя Уланхуу («красный сын», кит. Уланьфу), будущего создателя коммунистической Внутренней Монголии: например, передавала ему данные о всевозможных бандах северного китайского хаоса.

Примерно в этот же период Цай завела дружбу с Борисом Панкратовым (1892-1979; он перевёл на русский «Сокровенное сказание») — русским синологом и маньчжурологом, оказавшимся «техническим» агентом родины в русской зоне города Ханькоу (ныне — Ухань). Парой лет ранее он участвовал в центрально-азиатской экспедиции Рериха, и хотя политические планы кураторов Николая Константиновича — по созданию буддийско-коммунистического государства в Сердце Азии — успеха не имели, но Москва не теряла надежды на коренной перелом в Китае. Другим контактом Аллы с Россией стал Овше Норзунов, ещё в 1901 году, с риском для жизни, сделавший одни из первых фотографий Лхасы и дворца-монастыря Потала. В 1929-м Овше Мучкинович бежал из Камышина и навсегда затерялся на просторах Степи. Есть основания полагать, что помогла ему «сменить биографию» как раз Цайлэн Цай.

Глеб Бокий высоко оценивал сведения, получаемые от агента Борте, как назвали Аллу. Любопытно, но так же ценил её и Рюкити Танака в Токио.

Разумеется, такая игра на все стороны не оставалась незамеченной, и до поры до времени и Нанкин, и Токио, и Москва, и Калган (резиденция князя Дэ) закрывали глаза, пока агент с именем любимой жены Чингиз-хана оставалась полезной. Но долго это продолжаться не могло.

После боя на мосту Марко Поло, с которого начался «Инцидент 37-7-7» (так в Японии называли широкомасштабную войну в Китае), Алла, не понаслышке знакомая с политикой «Три всё» (殺光、燒光、搶光 — убить всё, сжечь всё, ограбить всё), предпочла перебраться на юг, во Французский Индокитай.

В 1938 году она, как медик, помогла Ван Цзинвэю (1883-1944, умер своей смертью), предателю из Гоминьдана, после того как его ранили агенты Чан Кайши в Ханое, а в 1939-м предотвратила покушение на переметнувшегося к японцам Дин Моцуня (1901-1947, казнен Чан Кайши), с которым была знакома в бытность его главой Департамента исследований и статистики — тайной полиции Чан Кайши. Именно госпожа Цайлэн Цай раскрыла планы своей близкой подруги Чжэн Пинжу (1918-1940), светской львицы и социалистки, внедрённой патриотами в окружение Моцуня в качестве любовницы.

Эта история легла в основу рассказа Чжан Айлин «Вожделение» (色, 戒 — «Цветок, выйди» или «Похоть, уйди»), по которому в 2007 году Энг Ли поставил одноимённую эротическую шпионскую драму. Двадцатилетняя Айлин, правнучка Ли Хунчжана, фактического правителя Цинской империи в 1890-х годах, стала другой протееже Аллы Ежовой. Ей удалось избежать участи Чжан Пинжу, и она, став писательницей, оставила нам в наследство такие знаковые произведения, как «Широко открытые глаза», «Любовь на выжженной земле», «Кошмар в красном тереме» (обыгрывающий название классического романа XVIII века «Сон в красном тереме»), «Как распускались цветы над морем» и «Как увядали цветы над морем». В 1943 году Алла представила Айлин шанхайскому издателю Чжоу Шоуцзюаню, приоткрыв ей путь в большой мир.

Во время Второй мировой войны Цай осела в Сайгоне, самом европейском городе «Восточноазиатской сферы взаимного процветания» — выстроенной на терроре Японской империи. Самым европейским его можно считать хотя бы потому, что во всех других колониях (британских и голландских) японцы сразу интернировали европейцев, а здесь французы относительно свободно правили до марта 1945 года. В Сайгоне, охотно принятая местным колониальным бомондом, она наладила связи с Бай Вьеном, главой преступного синдиката Бинь Сюйен.

После войны она поможет своему молодому поклоннику, капитану SDECE (Service de documentation extérieure et de contre-espionnage, Служба внешней документации и контрразведки) Савани установить контакт с гангстерами и фактически *включить бандитов в колониальную администрацию в качестве полиции*. Звучит фантастически, но в 1950 году Бинь Сюйен — преступная группировка! — платил в государственную казну 20 тысяч долларов налогов в сутки!

Конечно, немалые суммы шли в карман госпоже Цай. Она сдавала Бинь Сюйену свой дом в Сайгоне — под крупнейший в мире публичный дом «Зал зеркал», она организовывала безопасность агентов SDECE, когда те отправлялись в джунгли Лаоса и Тонкина за опиумом, она поставляла бензин для французских военных самолётов, которые переправляли опиум в Европу. Её личная охрана состояла из трёх сотен бойцов, имевших на вооружении даже миномёты и безоткатные орудия. Наконец, она купила пять списанных эсминцев, перестроила их в «гражданские» суда и организовала собственную пиратскую флотилию в Южно-Китайском море.

Стоит упомянуть и других протееже мадам Цайлэн. Среди них — лейтенант Иностранного легиона Борис Борисович Chanceux (Счастличик) (1930 или 1931, Киев? — не ранее 1985), сын офицера времён Гражданской войны в России (то есть её врага — за неполные тридцать лет отношение Аллы Ежовой к тем событиям кардинально изменилось). В 1952-м, после нескольких недель «нефритового безумия» в «Зале зеркал», мадам Цай «сослала» Бориса в Лаос в качестве связного к принцу Кхаммао (а на деле — убить «красного принца» Суфанувонга, председателя ЦК Фронта освобождения Лаоса и будущего президента коммунистического Лаоса; NYT охарактеризовала его как «очаровательного и умного собеседника»), однако юноша изменил «баронессе Сайгона» и ушёл в джунгли.

«Нефритовое безумие» было разработано доктором Аллой Аяби в годы войны в сотрудничестве со знаменитым поэтом и психиатром Мокити Сайто (1882-1953) и было, по сути, развитием Морита-терапии (названной по имени другого психиатра — Сёма Мориты). Она представляла собой программу «промывания мозгов»: после нескольких недель сенсорной депривации, включавшей запрет на общение и получение какой-либо информации, «пациент» подвергался интенсивной трудотерапии. В случае «Зала зеркал» — несколько недель секса с перерывами на сон и приём стимуляторов. Конечно, многие подвергнутые такой обработке не выдерживали и погибали (по разным данным — до 60%), но на выходе получались преданные синдикату Бинь Сюйен ассасины.

Хотя иногда случались и осечки, как в случае с Chanceux Борисом. Его имя всплывёт в Алжире и в связи с Конголезским кризисом 1960-1965 годов, но там его достать уже не смогут.

Другой чувствительной неприятностью для мадам Цай (или, если угодно, Мау Сак Лань — так читаются иероглифы её имени по-вьетнамски) стала измена Чинь Минь Тхе. Спокойствие французского режима на юге Вьетнама в период Первой Индокитайской войны базировалось на существовании автономных неформальных армий (до

чего пришедшие позже американцы — догматичные легитимисты по убеждениям — додуматься не смогут), среди которых был и упомянутый выше преступный синдикат Бинь Сюйен, сформировавший полицию Сайгона, и Дао Хоахао, и 50-тысячная армия синкретической религии Каодай (Cao Đài, 高臺教 — «Большой глаз»). От последней в июне 1951 года отделился 28-летний офицер Чинь Минь Тхе. Он создал свою армию «Льен Минь» для борьбы как с полукommунистическим Вьетмином, так и с французами. Это соответствовало планам Цайлэн — в хаосе, подобном китайскому хаосу 1920-х, она чувствовала себя как тигрица в лесу.

Но уже 31 июля в Шадеке (Sa Đéc) смертник-каодаист подорвал себя вместе с генералом Шарлем Шансоном (1902-1951), с которым Цай вела дела на севере. Нити вели к Тхе. В следующем году он устроил серию терактов в Сайгоне, а после Дьенбьенфу начал переговоры с агентом ЦРУ Эдвардом Лансдейлом (1908-1987). Последний прославился жуткими, основанными на местных поверьях о чудовищах, методами борьбы с коммунистами на Филиппинах (пленных подбрасывали к деревьям в таком виде, что крестьяне были убеждены: атеисты призвали в местность монстров из преисподней), а позже — вероятной ролью непосредственного организатора убийства Джона Кеннеди. Переговоры увенчались успехом, и уходящие французы оставили город войскам Тхе. Не считая конфликта с американцами после казни голодом Стерлинга Фесседена (см. выше), мадам Цай не устраивало и отношение новых хозяев страны к неформальным структурам. 3 мая 1955-го, менее чем через три месяца после триумфального вступления в город армии генерала Тхе, он был убит. Французы и премьер Южного Вьетнама Нго Динь Зьем (1901-1963) встретили известие об акции с удовлетворением.

Отношения двух союзников прекрасно описывает такой случай. Однажды Лансдейл встретился с французским генералом Гамбье. Последний пообещал спустить на американца овчарку: «Стоит мне дать знак, и она разорвёт вам глотку». Американец пообещал успеть разрядить во француза револьвер.

Эти события, но с другой точки зрения, с купюрами изложены Грэмом Грином в романе «Тихий американец» — романе столь глубоко, что образ «тихого американца», эдакого прогрессора из Стругацких, стал символом игр ЦРУ со странами третьего мира. Если, конечно, можно назвать Лансдейла «тихим».

Однако за пять дней до убийства Тхе судьба подготовила мадам Алле Цай ещё одно падение и новый поворот. Лансдейл, хоть и получил от ЦРУ 9 миллионов долларов (это 104 миллиона в ценах 2024 года), но сумел купить только секты Хоа Хао и Каодай. Бинь Сюйен, только в казну отчислявший 600 тысяч долларов в месяц, был ЦРУ не по карману. И тогда американцы решили разрубить Вьетнамский узел с присущей им грациозностью слона. Днём 28 апреля началась самая безумная битва в истории: элитные парашютисты Армии Южного Вьетнама атаковали полицию столицы Южного Вьетнама. Полиция — то есть бандиты из Бинь Сюйен — ответила миномётным обстрелом дворца премьера. В Сайгоне и лежащем за рекой Тёлоне (китайском городе) начались ожесточённые бои за каждый дом, доходившие до рукопашных схваток. Отчаянный корсиканец Антуан Савани примчался в штаб-квартиру Бинь Сюйен (полиции) в казино «Гранд Монд» и возглавил оборону, мобилизовав и других офицеров французской разведки. Однако он, трезво оценивая силы, рекомендовал своей покровительнице молчаливо «заявить» о нейтралитете, хотя тем самым уменьшал свои силы с шести батальонов до пяти.

Интересно, думала ли в тот день Аяби Ая о том, как в такой ситуации поступила бы её учитель — Ёсико?

Бинь Сюйен сопротивлялись отчаянно — и армия применила тяжёлую артиллерию. Кто-то взорвал мост в Тёлон — гангстеры навели понтонный. Савани затребовал у французской армии бронетехнику — то ли как последний козырь, то ли чтобы прикрыть отъезд своей tinh nhân Nga, «русской госпожи». Так или иначе, полиция капитулировала. В Сайгоне за неполный день погибло более тысячи человек, 20 тысяч остались без крова. Бай Вьен уехал в Париж, где припеваючи жил до своей смерти в 1972-м, мадам Цай пришлось налаживать отношения с премьером, а вакуум власти на уровне народа тут же заняли те, кто выпьют тонны американской крови.

Премьеру Зьему госпожа Цайлэн оказала и другую услугу. Она выписала у Сун Мэйлин с Тайваня на должность советника Вольфа Ладежинского (1899-1975), ещё одного русского (еврейского происхождения), выброшенного из России Гражданской войной — волны от неё расходились ещё долго. В период оккупации Японии Ладежинский провёл в стране аграрную реформу (с учётом опыта Столыпинской), затем — такую же на Тайване. Но в Южном Вьетнаме его ждал провал: французские плантаторы не желали расставаться с землёй.

Тем не менее знакомство с Ладежинским помогло утихомирить ненависть демократических институтов — ненависть деперсонализированную, а потому склон-

ную к непростительности и тем вызывавшую недоумение у мадам Цай, привыкшей жить по формуле авторитарных социумов: «каждая проблема имеет имя, должность, способ решения и срок протухания».

В качестве примера взаимопонимания можно привести одно из последних её вмешательств в политику: в 1959 году она поддержала проамериканский заговор против Нородома Сианука, *трижды принца и дважды короля Камбоджи* (в 1955 он неожиданно отрёкся от трона в пользу отца, что развязало ему руки в политике, снова был королём при коммунистах с 1993 года и снова стал принцем в 2004 году). Её интерес в заговоре был связан с планом создания «свободного государства» в центрально-северной Камбодже (в провинциях Сиенреап и Кампонгтхом) и на юге Лаоса. Ту часть Лаоса контролировал правый принц Бун Ум (1911-1980, умер во Франции; «Таймс» его описала тремя словами: «деньги, алкоголь и женщины»), воевавший с французами против членов своей семьи, но возглавить страну должен был Дап Чхуон (1912-1959), генерал левой антифранцузской армии Кхмер Иссарак, трупнохудой, с «немигающими, глубоко посаженными глазами». США будут рассматривать его как замену Сиануку, и в конце концов он будет убит. Не сложно понять, какую выгоду рассчитывала получить «баронесса Сайгона»: союзное «государство» на Меконге стало бы важным «аэродромом подскока» на пути в Золотой треугольник, к «Потерянной армии» гомиьндановского генерала Ли Ми.

С другой стороны, Цайлэн Цай нашла и родственную душу в принце Сиануке: он так же ловко балансировал между правыми и левыми, Китаем и США, Ханоем и Сайгоном, сочетая жестокие репрессии против своих коммунистов с трафиком оружия Вьетконгу. Наконец, 70-летняя женщина интересовалась молодыми интеллектуалами (особенно защитившими научные степени в Европе) и на этой почве даже пригласила на борг своей яхты, бросившей якорь в Сиануквиле, недавно приехавшего из Парижа доктора экономики Кхиеу Сампхана. Однако молодой человек, которого называли «одним из самых блестящих умов своего поколения», отказался от приглашения, сославшись на занятость. Такого оскорбления мадам Цай простить не могла: по её заказу полиция Пномпеня остановила доктора на улице, избивала, раздела догола и сфотографировала в таком виде. Разумеется, Кхиеу Сампхан запомнил жесточайшее унижение (тем более по азиатским меркам — не европейским!), и с этого момента началась его эволюция. Через пятнадцать лет он станет «братом №5» в иерархии Красных кхмеров.

Так Алла Цай чуть подтолкнула маховик кампучийской лютости. Она чувствовала, что теряет хватку, ведь всего за пять лет до этого Кхиеу, скорее всего, был бы убит, а двадцатью годами ранее она лично отрубила бы ему голову.

Тем не менее ей удалось диверсифицировать бизнес. Отделения фирмы «без названия» появились в Пномпене, Бангкоке, Маниле, Гонконге, Тайбэе, а флотилия имела тайные базы от бесхозных островов Спратли (над этим архипелагом, за который спорят семь стран, только недавно начал устанавливать суверенитет Китай) до рыбацкой деревушки Паттайя (да, той самой). Поэтому, когда в 1963 году президент Нго Динь Зьем был убит при активном молчании США, её дела серьёзно не пострадали.

Как результат, Ая Аяби, она же — простая русская девушка по имени Алла Ежова, она же — госпожа Цайлэн Цай, сохранила некоторое влияние в мутных волнах Второй Индокитайской войны (по какой-то причине десятилетие между войнами (1954-1964 гг.) с тысячами убитых считается мирным периодом). За ней охотился Интерпол — она на глазах полиции спускала драгоценности в фешенебельных казино Макао; её разыскивало ФБР — она обедала у Сун Мэйлин и её мужа, генералиссимуса Чан Кайши; её опасался Фердинанд Маркос, и ей завидовала «стальная бабочка» Имельда Маркос. А капитаны круизных лайнеров, идущих через Южно-Китайское море, без разговоров платили «налог на семь футов под килем» при появлении «человека от мадам Цай».

Её судьба, как и судьбы других героинь этого цикла, может показаться фантастической жителю спокойного начала XXI века. Но все они — лишь лодки, подхваченные грандиозным цунами, родившимся от выстрела в Сараево 28 июня 1914 года.

Никто не знает, когда и где умерла (и своей ли смертью?) госпожа Цайлэн. Но нити **非法毒品貿易**, налаженные ею, живы до сих пор, делая Золотой треугольник воистину золотым — богаче, чем прииски Сибири, где когда-то фортуна предоставила ей выбор.

Тот выбор, который бывает раз в несколько жизней.

ВЕЧНО МОЛОДОЙ

запомнится нам она. Её долгая, бурная жизнь мало сказалась на чертах лица, словно где-то в тайных подвалах её поместья Дигнидад хранится портрет работы Бэзила Холлурда¹. Я не люблю братья за перо, ведь дело солдата — писать историю пулями, но кончина славной падчерицы нашей Родины заставляет меня сделать исключение. И пусть её жизнь и борьба послужит пособием новым поколениям наших женщин!

«Ах, как я хотела бы быть невестой на каждой свадьбе и покойницей на каждых похоронах», — приводит её слова профессор Р.В. в эссе 1931 года, посвящённом тайным операциям русских спецслужб в Европе. Невестой она была не единожды. И вот теперь ей удалось стать покойницей, удостоенной чести быть погребённой в священной земле Чилийской Республики!

Luisa Rene Frederica Erzherzogin Kronprinzessin Reinennarزشwaldprobst von Bidder, при рождении — Торок Луиза Рената Фредерика, появилась на свет в 1892 году в результате морганатического брака. Её отец, троюродный брат принцессы Марии Аннунциаты Изабеллы Филомены Сабазии Бурбон-Сицилийской, женился, вопреки воле Гофскригсштатсраута (Высшего имперского военно-государственного совета), на графине Askenázi², двоюродной племяннице Людвига II Баварского. Таким образом, Рената, будучи восьмым ребёнком своего отца и шестым — матери, приходилась четвероюродной сестрой эрцгерцогу Францу Фердинанду. Она имела мало шансов на наследование имущества, но убийство в Сараево, развязавшее Великую войну, открыло ей дороги к вершинам, которыми она воспользовалась в полной мере с притоком её активности и жизнелюбием.

В 1901 году она была отправлена в интернат для детей аристократии в Потсдаме (он показан в фильме «Mädchen in Uniform», «Девушки в униформе», на роль в котором Рене фон Биддер пробовалась в 1930 году). Упор в обучении в этом заведении делался на дисциплине и воспитании — главных добродетелях, требуемых от девушек из высшего сословия. Любопытный казус: её образование стало своего рода прорицанием о будущем «тителе», которым её «короновала» княжна Марта Лючия Маврокордат, — «Erzherzogin von Bidder zu Donnerwetter bis Schloss am Main».

В 1907 году, после выпуска, Рене Фредерика была повенчана с Алайошем Эстерхази³, братом майора французской армии Фердинанда Эстерхази — двойного агента Германии и Франции, ставшего виновником «дела Дрейфуса»⁴. От этого брака у неё родилась дочь Элен. Пара переехала в Вену, где Рената увлеклась живописью и попыталась продолжить образование в государственной художественной школе; они стали вхожи в высшее общество. В конце концов на общительность и жизненную активность молодой женщины обратила внимание австрийская контрразведка. Их поймали «на крючок», когда её супруг пустился в махинации через венское отделение банка Ротшильдов, связанные с финансированием «короля провокаторов» Евно Азефа⁵ — очередного двойного агента: главы Боевой организации партии эсеров и агента Охранного отделения Департамента полиции Российской империи.

Завербованная Эвиденцбюро («службой информации»), в 1913 году она сыграла заметную роль в хитроумной комбинации, задуманной наследником престола с целью укрепления престижа монархии: в доведении до самоубийства заместителя директора этой спецслужбы полковника Альфреда Редля⁶ — как вы можете догадаться, тоже

¹ Бэзил Холлурд — вымышленный Оскаром Уайльдом автор портрета Дориана Грэя.

² Askenázi — фамилия происходит от ашкеназов, субэтнической группы евреев Центральной и Восточной Европы.

³ Шарль Мари Фердинанд Вальсен Эстерхази (1847-1923) — французский офицер, ловелас, циник; достоверно неизвестно, был ли он предателем, шпионом-провокатором или двойным агентом; в 1898г. бежал в Англию.

⁴ Дело Дрейфуса — дело о шпионаже в пользу Германии, расколовшее французское общество; эльзасский еврей капитан Альфред Дрейфус был ложно обвинён (в т.ч. с целью выгородить Эстерхази и тем самым — военное министерство) в предательстве и сослан в Гвиану; вся Франция и отчасти Европа в результате оказались охвачены острой борьбой между сторонниками невиновности Дрейфуса (Марсель Пруст, Клод Моне, Эдмон Ростан, Камиль Писсарро, Сара Бернар, Э. Золя (бежал в Англию), А.П. Чехов) и сторонниками его виновности (Жюль Верн, причем его сын стал его врагом, Эдгар Дега, Сезанн, Матисс); недоумение расколом высказали лишь Жюль Гед, В. Либкнехт, Л. Толстой; существование государства Израиль отчасти является отголоском того дела; сам Дрейфус (1859-1935) был похоронен с национальными почестями.

⁵ Евно Азеф (1869-1918) — организатор таких знаковых убийств, как убийство министра внутренних дел Плеве и вел. кн. Сергея Александровича; часть убийств организовал втайне от Департамента полиции, чтобы избежать раскрытия эсерами.

⁶ Альфред Редль (1864-1913) — двойной агент, завербованный русской разведкой под предлогом раскрытия его гомосексуальных связей; его раскрытие вызвало скандал и привело к падению престижа монархии; блестяще сыгран Клаусом Мариа Брандауэром в фильме 1985 г.

двойного (русско-австрийского) агента. Интересно, но в данном случае Луиза Рената оказалась агентом двора *kaiserlich und königlich*¹ внутри разведслужбы.

И, возможно, даже тройным — английской разведки, предположительно вышедшей на неё через Ротшильдов (если подтвердится роль Соединенного Королевства в убийстве эрцгерцога Франца Фердинанда и провоцировании Первой мировой войны). Так или иначе, в мутной воде войны и последующих революций Ренате Эстерхази удалось консолидировать имущество рода, начало чему было положено ещё в 1913 году. Тогда, в качестве благодарности за роль в деле Редля и благодаря протекции при дворе от своего непосредственного начальника Максимилиана Ронге², её первый супруг Алайош был заключён в психиатрическую лечебницу, где умер от туберкулёза.

К слову, о Максимилиане Ронге. Рене поспособствовала счастью будущего (в 1917-1919 годах) главы Эвиденцбюро, познакомив его со своей подругой Йолан Ковач, которую друзья звали Оле-Оле. Если верно говорят, что за великим мужчиной стоит женщина, то Оле-Оле — именно тот случай. Она помогла Максимилиану занять пост директора «Зондербюро государственной полиции» Австрии, а в 1938 году через Ренату передала его «заявление о лояльности» Канарису, тем самым вызволив мужа из Дахау.

Любопытный факт: все подруги Рене Эстерхази были долгожительницами. Как, например, тоже получившая суровое, спартанское воспитание (мать сшивала нитками страницы книг, где был хоть малейший намёк на любовь) Катинка Андраши де Чик-Сент-Кирай-Красна-Горка, жена Михая Каройи³, помогавшая Рене — «крестьянке среди аристократов», по выражению «красной графини», — ориентироваться в клубке противоречий, неизбежно возникающих внутри элиты воюющей страны.

Эта поддержка была взаимной. Так, Рената помогла Оле-Оле покинуть Будапешт в дни «революции астр» в ноябре 1918 года, а Ронге помог, несмотря на её происхождение, установить контакт с Ассоциацией товарищей Белого дома⁴, свергнувшей правительство Дьюлы Пейддя при поддержке румынской армии: Рене финансировала боевиков партии в обмен на неприкосновенность собственного имущества и жизни и возможность свободно передвигаться по стране.

Вложения сторицей окупались при адмирале Хорти — регенте королевства, потерявшего выход к морю. Он настоял, чтобы предыдущий регент и последний палатин⁵ Венгрии эрцгерцог Иосиф Август устроил брак графини Эстерхази с представителем боковой ветви Габсбургов. Так в январе 1921 года она стала кронпринцессой рухнувшей монархии — эрцгерцогиней Райненнарцшвальдпробст фон Биддер.

В межвоенный период Рената пробовала силы во многих творческих ремёслах. Она была немного актрисой, немного художницей, одарённой танцовщицей, поэтессой и даже пыталась писать прозу: «О боже, что я здесь делаю?» — существует единственная строка из её неоконченного рассказа. Так сублимировалась её энергия, её либидо, умелыми руками мужчин направляемая на достижение побед в творчестве

¹ *Kaiserlich und königlich* — «Императорский и королевский», официальное обозначение австро-венгерской монархии во внутренних документах.

² Максимилиан Ронге (1874-1953) — австрийский «мастер шпионажа», возглавлял различные разведывательные и полицейские структуры Австрии в 1917-1938 гг.; с 1933 г. — директор «Специального бюро государственной полиции» (*Staatspolizeiliches Sonderbüro*); способствовал установлению режима австрофашизма; после войны жил в Вене, консультировал американскую оккупационную администрацию.

³ Катинка Андраши, *Katinka Andrássy de Csákszentkirályi és Krasznahorkai* (1892-1985) — «красная графиня»; замужество (1914) резко изменило её взгляды на свое сословие, которое она начала откровенно презирать; в 1919 г. отправилась с мужем в изгнание, дружила с левыми интеллектуалами Р. Ролланом, Б. Расселом, Мигелем де Унамуно; в 1931-м чета посетила Советскую Россию, в 1933-м она с риском для жизни вывезла из Германии документы, разоблачающие зверства SA; во время войны работала в лондонских газетах; в 1947-1949 гг. с мужем представляла Венгерскую Народную Республику в Париже; овдовев, отправилась в путешествие по Африке; похоронена в Венгрии.

Михай Каройи (1875-1955) — первый президент Венгрии (октябрь 1918 — март 1919); в 1913-1914 выступал за отделение от Австрии и примирение с Антантой, в т.ч. с Россией, из-за чего дрался на дуэли с премьер-министром Иштваном Тисой; возглавил т.н. «революцию астр» в период коллапса государства; в марте 1919 г., в обстановке блокады и наступления войск новых независимых государств (Чехословакии), пригласил коммунистов в правительство; после падения Венгерской Советской Республики уехал в Прагу, где, с ведома правительства, устанавливал контакты с коммунистами; в годы ВМВ — в Лондоне, после — вернулся в Венгрию; после казни министра иностранных дел Ласло Райка (1949) порвал со сталинистским режимом Ракоши; умер во Франции, перезахоронен на кладбище Керепеш (будапештском Пер-Лашезе) в 1962 г.

⁴ Ассоциация товарищей Белого дома — правая группа Фридриха Иштвана (1883-1951), венгерского футболиста и фабриканта, премьера осенью 1919 г.; в Интербеллум он был депутатом парламента; умер в тюрьме.

⁵ Палатин — вице-король Венгрии, с 1848 г. — номинальная должность.

высшего порядка — в большой политике. По самым скромным подсчётам, среди её поклонников были агенты итальянской, румынской и даже японской разведок. Приведу один эпизод.

В июне 1921 года, накануне гибели в автокатастрофе второго мужа, от которого у неё осталось двое детей — Пауль и Паулина, с Рене вышел на связь резидент «Бюро технической информации», которого она знала под именем «Бор. Андраш». Во время путча бывшего императора Карла¹ против своего регента Миклоша Хорти по приказу «Техники»² Рене Фредерика укрывала сюзерена и его жену Циту дель Грацие Бурбон-Пармскую на вилле своего дальнего родственника по первому мужу графа Морица Эстерхази. Позже «Андраш» «тайно» вывез чету на канонерской лодке, ожидавшей их на Дунае. Несмотря на свою роль, кронпринцесса снова вышла сухой из воды — Хорти помиловал её, лишь отобрав часть имений.

Да, она всю жизнь искала признания и любви. И пусть любому доброму католику и патриоту от подобных проявлений любви к своим ближним становится страшно за рассудок с моралью, но времена не выбирают.

В 1920-е эрцгерцогиня, пользуясь покровительством регента, стала светской львицей. Её с восторгом принимала публика как внутри страны — в Пече, Ньиредхазе, Шопроне и Сабольч-Сатмаре, где была устроена тайная тюрьма и база «Техники», — так и за пределами: в германском Бамберге, польском Кракове и, конечно, в Вене в салоне Оле-Оле. Именно она стала той посредницей, что помогла установить контакты с Муссолини и вывести Венгрию из изоляции в 1927 году.

В благодарность регент вернул ей все имения и, сверх того, подарил дворец в Татабанья.

При этом читатель должен отдавать себе отчёт, что Луиза Рената сама оставалась далека от политики. Она была не столько Ёсико Кавасима³, игравшей свою партию в мужских играх в Китае, сколько Матой Хари, пусть и удачливой.

Несмотря на сомнения и ревность Магдолны Пургли, своей жены, Хорти доверял Рене. Он первым увидел несчастные перспективы новой мировой войны: «Мы пришли к власти достойным путём, через дверь, но я боюсь, что выбраться отсюда мы сможем только через окно», — привёл он однажды слова своей жены. В 1942 году премьер-министр Миклош Каллаи⁴, в 1920-х бывший ишпаном (наместником) Ньиредхазы и на этом посту закрывавший глаза на деятельность «Техники», поручил кронпринцессе найти выход на англичан. Ей это удалось: советник турецкого посольства в Будапеште Кемаль Торок приходился дальним родственником её отцу. Конечно, это не осталось без внимания гестапо, и при попытке пересечения швейцарской границы в июле 1944 года 50-летняя эрцгерцогиня была арестована и заключена в исправительный лагерь. Она вступила в сделку с германскими спецслужбами и помогла Скорцени похитить Миклоша — младшего сына и единственного оставшегося в живых ребёнка регента (сёстры умерли, брат — военный летчик — погиб в России), что вынудило Хорти-старшего отказаться от сепаратного мира.

Магдолна возненавидела Рене. Это отняло у последней возможность укрыться в Португалии. Тем не менее в конце войны она была на хорошем счету и у немцев, и у союзников. Выбравшись из Будапешта накануне того, как он был блокирован войсками коммунистов и румынских предателей, она нашла приют в Верхней Австрии у Оле-Оле. Там подруги благополучно дождались прихода американцев. Через Вилима Чечело, бывшего военного викария хорватских усташей, признательных Венгрии за поддержку в 1930-х вообще и за помощь в убийстве югославского короля Александра в 1934-м в частности, Рене, потерявшая все имения, была переправлена по *rattennlinien*,

¹ Карл (Каро́й) (1887-1922) — последний император Австро-Венгрии (1916-1918); попытка заключения сепаратного мира привела к фактической утрате независимости и переходу страны под управление Германии; в 1921 г. пытался вернуть престол в Венгрии, но под угрозой чешско-югославского вторжения отправился в ссылку на Мадейру; несмотря на то что он прожил всего 35 лет, его потомство является крупнейшей современной династией в Европе после Бурбонов; его жена Цита Бурбон-Пармская скончалась в 1989 г.

² «Техника» — Бюро технической информации [по вопросам политической безопасности].

³ Ёсико Кавасима (1907-1948?) — «восточная Мата Хари», дочь принца династии Цин; после Синьхайской революции вывезена в Японию, где училась в школе для девочек; в 1920-е вела богемную жизнь в Токио — среди её поклонников были и мужчины, и женщины; ген.-майор Кэндзи Дошхару (1883-1948, повешен по приговору Токийского трибунала) часто посылал ее с различными поручениями в Маньчжурию, где она, одетая в офицерскую форму и обладающая необъяснимой притягательностью для мужчин, неизменно имела успех; в частности, возглавила отряд в 5000 сабель; близко знакомая с последним императором Китая Пу И, убедила его занять престол Маньчжоу-го; вскоре начала критиковать политику Японии в Маньчжурии и была отстранена; казнена в Пекине либо скрылась и умерла в 1970-х.

⁴ Миклош Каллаи (1887-1967) — премьер с марта 1942 г. по март 1944 г.; умер в США.

«крысиным тропам»¹, в Аргентину и в итоге осела в Чили.

Она поселилась на вилле в колонии Дигнидад², отошла от политики, покровительствовала таким героям будущей революции 1973 года, как Мигель Краснов³, и лишь время от времени критиковала коммунистические правительства Эдуардо Фрея Монтальвы и других марксистов⁴.

И только хаос, до которого довёл нашу священную Родину предыдущий режим анархистов, заставил её снова взяться за перо и обрушиться на них со всей страстью своего таланта! Она призвала жён генералов устроить митинг у дома врага нации Карлоса Пратса⁵ и вынудить его подать в отставку с поста главнокомандующего вооружёнными силами. Это послужило двадцать дней спустя залогом успеха нашей революции.

*И за это народ Чили будет помнить её всегда!
Аугусто Пиночет, Президент Республики Чили.*

Примечание. Данный некролог, найденный Комиссией по установлению истины по адресу Londres, 38⁶, так и не был опубликован. Несмотря на подпись, стоящую под ним, заявленное авторство сомнительно. Предположительно, текст написан советником чилийского посольства в Бразилии Мануэлем Родригесом, «исчезнувшим» в том же году.

Appendix I. Из дневника Ренаты Эстерхази за 1920 год

Dear diary (этот Андраш, с кем судьба меня столкнула в ресторане дирижабля, сказал мне, что в Америке все женщины, маленькие и большие, так начинают дневниковые записи, а раз уж Я собираюсь принять его деловое предложение, то должна тренироваться в языке), прошла всего неделя, как Я вернулась из Парижа, поездка, нет, полёт будет правильнее, все-таки это был настоящий дирижабль, да, полёт потряс меня, и чувство отрыва от земли, и сама невероятных размеров машина этого чуда технической мысли. Кажется, Максуду удалось заразить меня своей страстью к инженерии, радио, браунинг, синематограф, и вот теперь дирижабль, салон первого класса, с рестораном, высшее общество — и Я, Рене, кто бы мог подумать!

Я не знаю, как Максуду удалось вообще, заполнить туда билеты, ещё и в оба конца, в такие места так просто не пройдёшь, помимо прочего, в билетах было написано по-английски: dress-code, то есть определённый внешний вид, соответствующий уровню публики, странно, у нас так не принято, наверное, тоже что-то американское. Конечно, всем и так понятно, что в театр не выйдешь в неглиже, но здесь что-то другое, нужно именно соответствовать, чтобы как бы притвориться своим. Хотя все эти люди наверняка и так «свои». Это грустная мысль, конечно, но Я ведь зареклась грустить, мой новый знакомый так и сказал: «Рене, май дарлинг, не грустите, в Америке нельзя грустить, там люди вокруг улыбаются и излучают счастье. Там совершенно всё по-другому. Такие талантливые (а я вижу, что вы талантливы) девушки в Нью-Йорке нарасхват. Вы будете счастливы и по-настоящему свободны. Вы можете стать актрисой!» Да-да, он так и сказал, Я могу стать актрисой! Боже, от предвкушения поездки и карьерных перспектив кружится голова, Я оторвусь от Макса, наконец-то, у меня будет

¹ Rattenlinien, «крысиные тропы» — маршруты бегства нацистов и их союзников в Южную Америку.

² Колония Дигнидад (Благотворительное и образовательное общество «Дигнидад») — вилла в Чили с территорией 170 кв. км, окруженная колючей проволокой с вышками и автоматчиками, на которую не распространялась юрисдикция чилийского правительства; место сексуального насилия над детьми и пыток противников Пиночета; закрыта в 1991 г., но даже обыск в 2005 г. обнаружил в Дигнидад самый большой частный склад оружия в Чили.

³ «Революция 1973 года» — из выражения на суде Мигеля Краснова; ультраправые режимы нередко называют перевороты, приведшие их к власти, революциями.

Мигель Краснов (род. 1946) — сын генерала вермахта Семёна Краснова, сотрудник DINA (Директората национальной разведки), участник и организатор пыток и «исчезновений» при Пиночете; с 2001 г. — в заключении.

⁴ ...коммунистические правительства Эдуардо Фрея Монтальвы и других марксистов — этот кабинет (1964-1970) считался коммунистическим только потому, что восстановил дипотношения с СССР и провел налоговую и аграрную реформы. Монтальва (1911-1982) — лидер правоцентристской ХДП, поддержал переворот 11 сентября 1973, в 1976 г. перешел в оппозицию, отравлен таллием и ипритом.

⁵ Карлос Пратс (1915-1974) — главнокомандующий вооружёнными силами Чили с 1970 г. после попытки похищения и убийства его предшественника Рене Шнайдера, организованного ЦРУ с целью воспрепятствования вступления Сальвадора Альенде на пост президента; во время El Tanquetazo, мятежа танкового полка 29 июня 1973 г., лично разоружил командиров танков; 15 сентября отправился в изгнание в Аргентину; через год убит с женой в рамках операции «Кондор».

⁶ Londres, 38 — тайный пыточный центр DINA в Сантьяго.

настоящая жизнь. Своя. Наяву. А не жалкие объедки чувств со стола «настоящих правительных людей».

Я встретила Андраша в комнате для курения на дирижабле, вернее, это он встретил меня. Нет, не так. Я сидела на оттоманке рядом с иллюминационным окошечком, куря Житан с золотым ободком из новой коллекции дамских папирос, боясь разглядывать людей вокруг и тем более мужчин, чтобы меня не сочли чересчур фривольной (Я слышала, что все эти модные толки о суфражистках и женской свободе в высших кругах считаются просто блажью). Да, Я курила и разглядывала свои ножки в шёлковых чулках с набивным узором, обутые в новые кожаные туфельки цвета спелой вишни с перепонкой вдоль ступни и каблукочком-рюмочкой. Удивительно мягкие, с выбитым клеймом Italian Handmade, Макс сказал, это значит, что они сшиты вручную (запомни, только итальянцы шьют самую лучшую обувь в мире, обещаю, что теперь ты будешь носить только такую). Думая о Максе, Я всегда выпадаю из времени. Так было и на сей раз, пока мои мысли и взгляд, задержавшийся на моих же ножках, не были перехвачены удивительным баритоном: «Пардон муа, мадам, место рядом с вами свободно? Прошу прощения, неже мне, конечно, создавать вам неудобства, смущая своей пыхтящей персоной по соседству. Но прошу вас позволить мне разместиться на другом конце диванчика, что вы на это скажете?»

Я подняла глаза. Потом опустила. Снова подняла. Он был красив, как высокое стройное дерево. Лет тридцать на вид, копна волос соломенного цвета, разбросанная по плечам, что уже, казалось, выдает в нём весьма раскрепощённого человека, избегающего условностей. Глубоко посаженные голубые глаза с детским каким-то смеющимся и дерзким выражением, чувственный пухлый рот и нос, с горбинкой и достаточно длинный, чтобы предположить и другой размер (это мне девочки в интернате рассказали способ француженок, как угадать, что там у мужчины внизу), безупречный прямой подбородок, трехдневная соломенная щетина на загорелой, чуть обветренной коже. И руки, когда Я увидела его руки, мне захотелось упасть в них лицом.

— Если вы недовольны моим присутствием, я пересяду, — сказал он негромко, — но, признаться, мне бы совершенно этого не хотелось.

От слов этих кровь хлынула к моим щекам, и Я поняла, как это — проглотить язык. И всё же.

— Нет, пожалуйста, сделайте одолжение, останьтесь. Ваше присутствие рядом совсем не тяготит

(Наглое вранье, ещё как тяготит, мне захотелось, как юной совсем девочке, чью влюблённость раскрыли насмехающиеся одноклассницы, выпрыгнуть с этого дирижабля, только бы не встретиться с ним взглядом, этим неземным златокудым божеством).

— Тогда позвольте представиться: Андраш Горский. Извольте визитку, мадам, — протянул мне золотую картоночку, которую Я положила в ридикюль, не глядя. Ни на него, ни на визитку. И тут он наклонился к моему лицу так близко, что его шёпот обжёг мне ухо: «Едва я зашёл, первое, что я увидел в этой комнате, были ваши прекрасные ножки. Простите мне моё нахальство, но я бы осыпал их поцелуями и бутонами роз. Скажите, вы часом не танцовщица?»

ВЫБОР ДОННЫ АННЫ

Анна Богдановна Добрич родилась в Новгороде Гродненской губернии в 1896 году в семье инженера-железнодорожника. С отличием окончила Варшавскую женскую гимназию, намеревалась посвятить свою жизнь... впрочем, уже неважно, о чём она мечтала. С началом войны пошла добровольцем на госпитальный поезд, служила сестрой милосердия. Во время Великого отступления 1915 года её эшелон был захвачен австрийцами, и Добрич была интернирована с остальным персоналом. Хотя её статус был гражданским, однако она неоднократно просила австрийские власти о переводе в лагерь для русских военнопленных. В конце концов её просьба была удовлетворена. О ней в период пребывания в лагере Гюнс (Кёсег, медье Ваш, Западная Венгрия) вспоминает Лавр Корнилов, которого Добрич лечила от последствий ранения.

В 1916-м Анна Богдановна вышла замуж за князя Августа Свентокшице-Могиланского, последнего представителя выморочного шляхетского рода. Поэтому в «Красную пятилетку» 1918-1923 годов — первое цунами из берегов России — она осела в относительно стабильной Восточной Европе, раздираемой на куски националистами государств-лимитрофов.

Супруг оказался типичным аристократом эпохи Интербеллума: из тех, что удовлетворяли общечеловеческую тягу к саморазрушению спортом, авиаторством,

гоночными автомобилями и африканскими сафари. Август же, будучи нищим, но гордым, как истинный шляхтич, довольствовался казино. Оставив жене дочь Марысю и долги, он застрелился.

Анна, пытаясь свести концы с концами, заводит тетрадь: «Аренда — 200. Уголь кончается, до весны ещё два месяца. Купить обувь???» Ей удаётся дожить до весны, дочь, тьфу-тьфу-тьфу, оказалась крепка здоровьем, гроссбух потихоньку превращается в дневник.

Она пишет ночами, тоже, как Кафка, преодолевая головную боль, и, чтобы заглушить чувство голода, мечтает:

«Какими будут люди через сто лет? Да такими же, и говорить они будут примерно теми же словами о том, что волнует, об общечеловеческом. И мой голос будет примерно таким же. Только, наверное, более низким и хриплым. Потому что я бы курила ещё больше. Потому что сейчас представляется, что окажусь я в той же атмосфере, не меняющейся век от века. Буду вести какой-нибудь глупый дневник (наверное, грамотность уже никуда не денется). Буду ходить в чёрном платье по моде того времени, чёрном пальто и какой-нибудь шляпе. Непременно на каблуках, чтоб слышны были шаги, когда гуляешь ночными улицами. А ещё у меня будет любимое место под каким-нибудь фонарём, где я всегда буду останавливаться, чтобы закурить. Где-то в глубине души я буду верить в любовь, но никогда не признаюсь в этом даже себе, потому что окружающая действительность снова слишком хорошо научит понимать жизнь. В которой всё — мрак. И только в редкие вечера можно будет помечтать, что всё может быть иначе.

Наверное, я так и не научусь разбираться в политике и происходящих в обществе процессах, но точно буду знать, что ничего хорошего ждать не стоит.

Но всё равно, вопреки всему буду любить эту чёртову жизнь.

И музыку.

И танцевать. И, закрыв глаза, петь.

А чудеса прогресса?

А чудеса будут где-то там, за высокими дверьми».

Но человек предполагает, а Бог — располагает. Анна научилась и петь, и разбираться в политике.

С наступлением скоротечной «эры вечного процветания», Золотых двадцатых, она стала отвоевывать место под солнцем. Начав с амплуа инженю в театре-кабаре Qui Pro Quo (северная, лесная кровь долго позволяла ей выглядеть значительно моложе своих лет), с годами она выросла в приму варшавской эстрады — сказалось знакомство с легионерами, о чём чуть ниже. Сатирик Стефан Кеджиньский сравнивал её с эпатажной Анитой Бербер; Kurjer Warszawski, более доброжелательный к «девушке, танцующей джаз», после выхода фильма Георга Пабста «Ящик Пандоры» прозвал княжну Лулу — так звали главную героиню ленты, роль которой исполнила звезда эпохи — Луиза Брукс. Её расположения искали многие: архитектор Тадеуш Новаковский; певец, «долгожитель польской эстрады» Мечислав Фогг; художница София Ивановна Бодуэн де Куртенэ; граф Маврикий Замойский; генерал Владислав Сикорский; наконец, сам Юзеф Пилсудский, начальник Польши.

В 1925 году по приглашению майора Станиславы (Моники) Палеолог — одной из «львовских орлят», защищавших город от украинцев в ноябре 1918-го, — Анна Богдановна поступила на службу в медицинскую экспертную VI бригаду Женской полиции, в то же время не оставляя выступления в театре (что послужило поводом для очередной колкости Кеджиньского: дескать, днём Добрич борется за чистоту нравов, а ночью — прилагает усилия к их, нравов, падению). Там она познакомилась с музыкантом Ежи Петербургским, который посвятил ей танго «Признайся мне», «Вино любви» и (если верить свидетельству Моники) самое знаменитое своё творение — «танго самоубийц» To ostatnia niedziela.

Самый знаменитый польский театр Интербеллума познакомил Анну и со звездой немецкого кинематографа Ольгой Чеховой. Их дружба, поспособствовавшая налаживанию связей между Польшей и Германией после 1933 года, не прервалась и в будущем: в конце 1950-х кн. Свентокшице-Могилянская стала директором латиноамериканского филиала фирмы Olga-Tschechowa-Kosmetik.

В 1936 году с делегацией Польской колониальной лиги (организации, добивавшейся от великих держав выделения стране колоний) она посетила Камерун, Бельгийское Конго, Руанду-Урунди и чуть было там не осталась! Из той поездки она вынесла любовь к тропическим странам — ко всем этим бананово-лимонным Сингапурам, — отразившуюся в книге путевых очерков «Африка в моей сумке».

К этому времени стало понятно, что перемирие, подписанное 11 ноября 1918-го в Компьенском лесу, истекает. Анна пишет: «Война... вроде давно её нет, но и спокойствия нет. Постоянно возникает давящее ощущение тревоги от приближения

чего-то страшного, может, это только у меня так? Но и по друзьям, знакомым вижу, что и на них нет-нет да накатывает некая необъяснимая тревога».

Война возобновилась в 4 утра, в пятницу, 1 сентября. Имея многочисленных покровителей в высших кругах Варшавы, Анна была лично предупреждена адъютантом маршала Рыдз-Смиглы о безнадежном положении на фронтах: 6 сентября немцы заняли Калиш (в 200 километрах от столицы), Быдгощ и Пултуск (всего 50 километров). Это казалось тем более странным, что всего пару дней назад по улицам маршировали демонстранты с лозунгами «Англия нам поможет, Англия нас спасёт». (Спасать Варшаву предостояло генералу Чуме. Да, такая была у него фамилия: Walerian Czuma (он попадёт в плен, будет освобождён американцами в 1945-м и остаток жизни проведёт в Англии, выращивая садик и не занимаясь политикой). В тот же день Чума открыл арсеналы и раздал оружие рабочим — несмотря на то, что в своё время воевал у Колчака. Это позволило городу продержаться ещё три недели.)

Впрочем, предупреждение адъютанта оказалось не слишком своевременным — командование Войска Польского довольно смутно представляло обстановку. Уже утром 7 сентября, в четверг, варшавяне начали бегство из города — Анна опередила их всего на пять часов, около двух пополуночи навсегда покинув город своей мирской славы. Уже в обед следующего дня немцы были на окраине Воли — предместья Варшавы, пройдя за полтора дня сотню километров от Томашува. От отчаяния 8 сентября польская армия применила химическое оружие — иприт. Результат был предсказуем и ничтожен: два немецких солдата погибли, двенадцать получили отравление (если не считать катастрофы в Бари в 1943-м, это единственное применение химического оружия в Западной Европе во время Второй мировой войны), но Анну сразу накрыл ужас воспоминаний о прошлой войне — о госпитале, набитом людьми с выжженными глазами и незаживающими язвами от горчичного газа. К тому же Вторая Речь Посполитая рассыпалась так же стремительно, как первая. Если 7 сентября какие-то надежды ещё были (Франция и Англия начали совещаться в Абвиле), то 12 сентября стало ясно: Польшу бросили.

Паралич государства нарастал быстрее, чем два десятка лет назад в России или Австро-Венгрии.

Анна была умна. Сказалась и работа у Моники Палеолог, и ресторации режима полковников. Наблюдая хаос, неизбежно сопровождающий поражение, она приняла решение бежать дальше, не дожидаясь в Бресте известий от Ежи, призванного на фронт (он вскоре оказался интернирован Советами и в декабре возглавил белорусский государственный джаз-оркестр). Но куда? На востоке — большевики, там уже ждёт пуля или Сибирь. На севере — литовцы. Они ненавидят поляков за то, что те летом 1920-го отняли у них Вильну. На юге — словаки, союзники немцев. Можно было попытаться спрятаться на месте, но население Восточных Кресов — белорусы и украинцы — относилось к полякам тоже не ахти... Вторые проявят себя через четыре года, в Вольнскую резню, по старинному полуязыческому обычаю сжигая поляков в скирдах соломы. Но и от первых неизвестно, чего ожидать.

Оставалось одно место, и путь туда лежал через бутылочное горло: Венгрия, с которой Польша граничила после раздела Чехословакии в 1938-1939 годах. Направление опасное — галичане уже начали осторожно резать беженцев и осадников (польских поселенцев, ветеранов войн 1918-1921 гг., «осаженных» на землю). До венгерского Унгвара (Ужгорода) было около 550 километров. В понедельник, 11 сентября, мать с дочерью выехали на поезде, шедшем во Львов. Двести верст до Луцка кое-как преодолели за день, но там получили известие, что и на окраине Львова — немцы. Положение было отчаянным. Представьте, что вы оказались на внезапно ставшей враждебной окраине своей гибнущей страны — например, в Таджикистане в 1992-м.

Как позже вспоминала княгиня, где-то тут начался её путь, который привёл её в кафедральный собор Сан-Сальвадора в день, когда эскадроны смерти будут убивать людей на похоронах архиепископа Ромеро. А пока она, уроженка Гродненской губернии Российской империи, срочно вспоминала белорусский язык — хоть какую-то защиту от бывших сограждан.

Поезд через Ровно добрался до Бродов, и... машинист ушёл домой. За кольцо с алмазом — памятью об Африке — княжне удалось нанять подводу до Гарнополя. Потом, за жемчужную нитку, раздобыть хлеб и присоединиться к обозникам, ехавшим на юг.

Войну принято рисовать в мрачно-серых тонах, но на дворе было начало осени — мир утопал в багрянце рябин и золоте пшеничных полей, не ведавших, что жать их будут не с любовью к жизни, а со страхом смерти. Ещё никто на свете не верил, что всё это продлится дольше, чем до весны. И лишь по утрам по голым буковым лесам (в их тени не вырастает ни травинки) стелились туманы — промозглые тем более, что последние полсотни километров пришлось идти пешком.

В пятницу, 15 сентября, мать с дочерью переправились через Днестр. Их встречала радуга над скалами — и обеда от Красного Креста и княгини Марты Бибеску-Маврокордат. Впереди была тихая, спокойная гавань — Франция.

* * *

*Такое выпало время — страшное и жестокое.
Что же ты с нами делаешь, время?
Или мы тебя сделали таким?
И бывало ли по-другому?*

*(To był taki czas — straszny i okrutny.
Co nam robisz, czas?
A może sprawiliśmy, że jesteś taki?
A czy kiedykolwiek było inaczej?)*

Это стихотворение Анна Богдановна написала в начале зимы, добравшись до Парижа. Город не обманул: глядя на самодовольную беспечность буржуа, на «круассаны мирного времени», княгиня поняла, что и этот град обречён, и перебралась с дочерью в Лондон, где их пути разошлись: Марья вышла замуж за некоего Джона Хирша (он погибнет в марте 1944-го на Бирманском фронте), получила британский паспорт, вступила в Женский вспомогательный корпус, начав службу в Правительственной школе кодов и шифров в Блетчли-парк («Станция X»). А мать устроилась телефонисткой в ATS (Вспомогательную территориальную службу, женское армейское подразделение) и в этом качестве участвовала в Мадагаскарской (1942) и Тунисской (1943) кампаниях. Там она узнала, что Ежи вступил в армию Андерса, и нашла его уже в Италии.

В 1949 году они уехали из полугодной Англии в Аргентину. Там Ежи устроился капельмейстером в Национальный театр, где проработал до возвращения в Польшу в 1967-м, а Анна — в благотворительный фонд Эвы Дуарте Перон, где помогала с организацией военизированного корпуса медсестёр имени Эвы Перон, с разработкой жилищного плана Эвы Перон, открывала детские сады Эвы Перон и т.д. Но, несмотря на новую иллюзию стабильности, Могиланская покинула и эту страну — за спиной катилась волна русского цунами. Сначала ударом для Анны стала ранняя, в 33 года, смерть Эвиты — к сеньоре княгиня относилась как к дочери. Вторым потрясением для неё стала резня на площади Мая 16 июня 1955 года — очередной антиперонистский военный путч, ставший «боевым крещением» аргентинской военно-морской авиации; потрясением тем большим, что за три месяца до того Анна присутствовала на свадьбе Ирмы Карранса, мексиканской лётчицы и защитницы прав женщин, и будущего участника злодеяния Серхио Родригеса Рейндля (фамилия странно напоминает другого эпизодического героя этой серии очерков).

Осенью того же года княгиня, по приглашению сальвадорского посла в Байресе, перебралась в казавшуюся более спокойной республику. Возвращаться домой она не рискнула — к тому же Моника Палеолог в красках описывала обстоятельства своего бегства из красной Польши летом 1946 года.

С Ежи Анна рассталась ещё раньше, когда у того начался роман с балериной Исабель Мартинес, будущей любовницей и женой Хуана Перона. С бывшей соперницей она близко познакомится позднее, когда свергнутый президент будет жить в Панаме, а Исабель — танцевать в ночном клубе. В отличие от Борхеса, Анна познала тайное имя и тайное лицо генерала и обеих его жён и потому не вернулась в Аргентину — несмотря на приглашение Исабель, — когда Хуан снова стал президентом. Она видела в Исабелите слабохарактерную, экзальтированную истеричку, слишком увлечённую — до подобия наркотической зависимости — оккультизмом. Когда после смерти мужа Исабель унаследует кресло в Розовом доме, став первой в истории планеты женщиной-президентом, княгиня верно оценит её роль: «Она — марионетка Колдуна, живущего в тёмном, покрытом паутиной углу Каса-Росады». Под Колдуном, El Brujo, она имела в виду Хосе Лопеса Регу — антикоммуниста, антихристианина, эзотерика и фашиста, организатора резни во время триумфального возвращения Хуана Перона на родину. Даже генералы, вскоре устроившие в стране «грязную войну», называли его «плебем» и «Распутиным».

Примечательно, но Борхес, так презрительно описавший Хуана и Эву Перон, с этими генералами вполне нашёл общий язык, и язык тот был любезен.

* * *

В Сальвадоре Могиланская купила скромную виллу с видом на залив Фонсека в департаменте Ла-Уньон (крайний восток страны), где её не касались политические

бури — ни правление Гражданско-военного директората, ни Футбольная война с Гондурасом, — и начала писать мемуары о людях — Пилсудском, Сикорском, не говоря о прочих. Все они уже казались очень древней историей: столько крови с тех пор утекло. Читатели — а я тоже читатель — часто думают, что автор-то понимает, о чём он пишет. Но писатели знают: в процессе они сами совершают открытия, обнаруживают скрытые связи даже в собственной жизни. Так было и с княгиней: пока писала, она заметила «незримую руку Господа, хранившую меня в те времена, когда безымянными сгинули миллионы. Он посылал, в самый последний момент, людей, слова, события... Что было бы со мной, окажись я в красной России или задержись в Варшаве на несколько дней?»

Эти размышления привели её в церковь. Она стала регулярно посещать мессы Оскара Ромеро. «Первым знамением для меня стала весть о кардинале К.В. Я спросила монсеньора Ромеро, кто он. Каково было моё изумление, когда я поняла, что это сын... Кароля, которого я почти забыла... Когда же это было?.. Полторы мировые войны назад», — поэтически отмерила время княгиня.

Вторым знамением прозвучало убийство священника-иезуита Рутилио Гранде, которому княгиня время от времени жертвовала деньги для бедняков. Стоя над телом друга, Ромеро произнёс: «Если его убили за то, что он делал, значит, моя очередь идти по тому же пути». Это не было первое подобное преступление — ещё в 1970-м нацгвардейцы арестовали и четвертовали (!) иезуита Николаса Родригеса.

Правые считали вновь назначенного архиепископа удобной фигурой: «У него голова в небесах, он не стоит ногами на земле». Однако Ромеро отреагировал на убийство друга резко: он закрыл все церкви в стране, и воскресная месса была проведена лишь в кафедральном соборе. На неё пришли 80 тысяч человек.

Сальвадор медленно, но верно сползал к гражданской войне. В последующие два года эскадронами смерти и армией были убиты ещё пять священников, которых обвиняли в разжигании классовой борьбы и пропаганде коммунизма (!). Видимо, под последним понимались такие слова: «Вера будет мёртвой, если в отношении к слабому, бедному и угнетённому выражать только сочувствие и опекать его. Истинная вера требует солидарности». Крестьян, как узнал Ромеро, совершив несколько поездок по стране, пытали за одно хранение Писания.

«Политика и Бездна имеют схожесть. Если человек всматривается в бездну, Бездна отвечает взаимностью. Если человек отворачивается от политики, Политика ревниво вламывается в его дом», — пересказывает Анна беседу с профессором философии Хосе Рамирес Авалос. К «русской княгине» тянется его дочь — Лил Милагро, и Могиланская рассказывает ей о Европе: о Варшаве, о Париже, об эпохе *джаз* — *особого нервного ощущения, которое охватывает большие города при приближении к ним линии фронта*.

Лил пишет одно из первых своих стихотворений: «Мне 19 лет, и я хочу поехать в Париж, увидеть своё отражение в Сене». Она растёт, впитывая идеи «теологии освобождения», изучает юриспруденцию в университете Эль-Сальвадора, отказывается от диплома в знак протеста. Анна пытается предупредить новую «приёмную дочь», но опаздывает: в ноябре 1976 года молодую женщину «исчезают», оказавшийся в этот момент рядом профессор Мануэль Ривера, член исполнительного совета Национальной ассоциации педагогов, погибает на месте.

В мае 1979 года армия и полиция устроили бойню в кафедральном соборе Сан-Сальвадора, преследуя людей вплоть до внутренних помещений храма. Выступая в Лёвенском университете, архиепископ описал реалии полубезвестной страны: «Менее чем за три года более 50 священников подверглись нападениям, угрозам и клевете. Шесть из них убиты и признаны мучениками; многих пытали, других изгнали из страны. Объектами преследования стали и набожные женщины». В последней фразе он, вероятно, имел в виду нападение на княгиню, когда в департаменте Морасан национальные гвардейцы остановили её автомобиль, три часа держали под палящим солнцем, а затем — видимо, надеясь на то, что сердце престарелой женщины не выдержит, — имитировали расстрел: отвели её на обочину и дали залп поверх головы.

Возможно, если бы не «аристократическое», с точки зрения сальвадорского истеблишмента, происхождение, Могиланская могла бы стать одной из десятков тысяч «пропавших без вести».

Однако запугать 83-летнюю женщину оказалось не так-то просто. Игнорируя угрозы, она помогает в составлении меморандума для папы, в котором поимённо перечисляются люди, убитые, подвергнутые пыткам и пропавшие без вести за последние два года, среди которых уже 41 священник и религиозный деятель. Она с ещё большей настойчивостью обивает пороги высоких кабинетов, пытается найти следы Лил Милагро — ей даже кажется, что если её поиски увенчаются успехом, она обретёт мир и покой, потому что имя Лил так похоже на Лулу — второе «имя» Анны,

когда ей тоже было тридцать три.

Находит. После трёх лет пыток и изнасилований, 17 октября 1979 года, Лил Милагро была убита национальной гвардией — через два дня после того, как гражданское правительство Партии национального примирения, тайно державшее её в тюрьме, было свергнуто Революционно-правительственной хунтой: освобождение Лил нанесло бы непоправимый удар по «бастиону порядка». Лил Милагро де ла Эсперанса Рамирес Уэсо Кордова — помяните имя её — было 33 года.

Останки семье не выдают. Анна пытается решить хотя бы этот вопрос, обращается к вице-президенту Торгово-промышленной палаты, члену новой хунты Марио Антонио Андино. Сразу после разговора, на выходе из его офиса, её останавливают военные и, пока «проверяют документы», убивают случайного прохожего — «коммунистического террориста». Намёк прозрачнее некуда.

23 марта 1980 года на воскресной мессе примас сальвадорской церкви призывает солдат вспомнить о том, что они христиане, и перестать убивать безоружных людей. На следующий день архиепископ Оскар Арнульфо Ромеро-и-Гальдамес был расстрелян во время богослужения в часовне больницы «Божественного провидения». Последняя нить, удерживавшая страну от войны, была перерезана.

Ночь перед похоронами прошла в тревожном напряжении. Никто в городе не спал, никто не знал, что будет завтра. Наутро проститься со своим святым пришли 250 тысяч человек — колоссальное число и для больших стран, не только для 4,5-миллионного Сальвадора. На сороковой минуте траурной литургии, когда выступал личный посланник папы кардинал Коррипио Аумадо, прогремел взрыв. За ним другой, третий. Гвардейцы и полицейские открыли огонь по людям. Кто смог — укрылся в соборе, понимая, что их могут прийти добивать и сюда. Анна Богдановна, вновь став сестрой милосердия — нет, Милосердия, — пыталась оказать первую помощь. Лишь через час стрельба стихла.

Её дни были сочтены. Теперь, когда всё человеческое было попорно, никаких фиктивных расстрелов быть не могло: убивали и детей, и беременных, вырезали (в буквальном смысле — ножами и мачете) целые селения — даже «аполитичные», как Эль Мосоте в декабре 1981-го. Княгиню схватили, надели мешок на голову, вывезли из Сан-Сальвадора и... посадили под домашний арест на её вилле.

«Кто ты, мой самаритянин? Чьим попечительством Спаситель уберёт меня от лютой «этих»? Чьё сердце Он смягчил?» — задавалась она вопросами.

Этим Человеком была Мария Луиса, младшая сестра майора Роберто д'Обюссона, вызывавшего оторопь даже у полуфашистских предпринимателей из среднего и высшего класса. Глубоко верующая пацифистка-католичка была потрясена преступлением брата — именно он организовал убийство архиепископа. Скоро Мария порвала с семьёй, выбравшей сторону сына, но потребовала от Роберто умерить кровожадность, не трогать последователей Ромеро.

Смелый поступок для молодой 30-летней женщины. Только после смерти Роберто (он умрёт в 1992-м в жестоких муках после долгой болезни) она признается: «В глубине (!) души я верила, что брат меня всё же не убьёт».

До последних дней Анна Богдановна сохраняла ясность мысли:

«Мне нельзя покидать виллу. Меня охраняет один из этих — заблудшая душа, которую донимают мухи. Каждое утро я чувствую запах крови от моего сторожа. Но каждое утро я вижу, как солнце встаёт над заливом. Как прячутся длинные тени островов. Море всех примет — такими, какие мы есть».

Она скончалась 25 апреля 1986 года. На похороны, несмотря на опасность расстрела, пришли крестьяне близлежащей деревни. Вода в заливе в то утро была спокойна.

На её надгробии написано: «Рано или поздно человек вынужден сделать выбор, если он хочет остаться человеком».

* * *

В заключение — несколько слов о дальнейшей судьбе дочери Анны, Марысе Свентокшице-Могиланской. Её вторым мужем стал Джордж Маккартни, офицер Особой воздушной службы. С ним она ездила по гарнизонам гибнущей империи: Иерусалим (1946-1947), Александрия (1948-1951), Кипр (1953-1958), Кения (1959-1963), Йемен (1965-1967). В Кении она разыскала Лкетингу Лепарморийо, которого неоднократно упоминала её мать в своей книге очерков, и сводного брата. Вернувшись из путешествия по Конго, примирилась с мужем. В последующие годы он служил военным атташе Соединенного Королевства в Венесуэле и Коста-Рике, умер в 1986 году. Мэри Маккартни, недавно справившая 100-летний юбилей, проживает в Рединге, Беркшир, Англия.

Данный очерк написан на основе переписки с нею.

Appendix II

Миссис Маккартни сообщила, что нашла в бумагах матери, вывезенных из Сальвадора Джозефом, листы с переписанными от руки стихами Лил. Они как будто имели особое значение для Анны — никаких других стихов она не хранила. Автору не удалось найти их переводы на английский или русский, поэтому он перевёл их самостоятельно и просит прощения у духа и имени Лил Милагро, если исказил смысл и настроение её стихотворений.

Despertar

*Yo era mansa y pacífica
Era una flor,
Pero la masedumbre no es un muro
Que cubre la miseria.
Y vi las injusticias
Y ante los ojos asombrados,
Estallaron las huelgas y las rebeldías
Del hombre proletario.
Y en vez de absurdas lástimas,
De hipocres.as compasivas,
Brotó mi indignación
Y me sentí fraternalmente unida
a mis hermanos,
Y toda huelga me dolía,
Y cada grito me golpeaba
No solo en la cabeza o los oídos
Sino en el corazón.
Cayó mi blanca masedumbre,
Muerta a los pies del hambre,
Me desnudé llorando de sus velas
Y un Nuevo traje me ciñé las carnes.
Primavera de lucha son ahora
mis brazos,
Mi enrojecida sangre es de protesta,
Mi cuerpo es verde olivo
Y un incendiario fuego me consume
Éy sin embargo,
sigo siendo como antes,
amante de la paz,
quiero luchar por ella
desesperadamente,
porque desde el principio
yo soñé con la paz.*

Проснуться

*Я была кроткой и мирной,
Цветком я была.
Но кротость — не стена,
Что скрывает страдания.
Я увидела несправедливость,
И пред изумленными глазами —
Пламя восстаний
Во имя простого человека.
И вместо абсурдной жалости,
Сострадательного лицемерия —
Во мне негодование.
И каждый удар ранил меня,
И каждый крик поражал меня —
Не только голову, уши —
Сердце.*

*Моя белая кротость пала.
Мертвые под ногами голода.
Я разделась в плаче своих свечей,
И новый костюм опоясал мне плоть.*

*Сейчас боевая весна.
 Мои руки,
 Моя красная кровь протестуют,
 Мое тело оливково-зелено,
 И огонь пожирает меня.*

*Эй, я, однако,
 Всё ещё та, что прежде,
 та, кто любит мир.
 Я хочу бороться за него —
 отчаянно, безнадежно, —
 потому что с самого начала
 я мечтала о мире.*

** * **

*Sembraremos
 a golpes si es preciso,
 araremos la tierra siempre fértil
 y en el profundo surco abierto,
 lanzaremos semillas,
 sembraremos
 Lucharemos
 hasta que el hombre se ilumine de sonrisas,
 hasta que sea su destino
 el esperado encuentro con la paz,
 lucharemos
 hasta que el hombre nazca,
 y,
 entonces
 construiremos
 para que el hombre viva,
 para que el hombre dé a sus hijos
 toda la herencia de la tierra...
 desde lo más profundo
 vendrá la arcilla
 y construiremos.*

*Мы будем сеять —
 если наго, и кулаками, —
 мы будем пахать всегда плодородную землю,
 и в глубокую открытую борозду
 мы бросим семена, мы
 будем сеять, мы будем
 бороться,
 пока человек не озарится улыбкой,
 пока долгожданная встреча с миром
 не станет его судьбой,
 мы будем бороться,
 пока не родится человек,
 а потом
 мы построим дом,
 чтобы человек мог жить,
 чтобы человек мог отдать своим детям
 все наследие своей земли...
 Из глубины
 явится глина.
 И мы будем строить.*

Заключительное стихотворение, как отметила Анна, явно перекликается со стихотворением возлюбленного Лил — Роке Дальтона:

*Когда узнаешь, что я умер, не произноси моего имени,
 а то замешкаются смерть и оцепенение.*

*Твой голос, колокол всех пяти чувств, он станет
слабым маяком, разыскиваемым моим туманом.*

*Когда узнаешь, что я умер, доверься странным звукам.
Произнеси: цветок, пчела, слеза, хлеб, ураган.*

*Не дай своим губам сорвать покров с одиннадцати букв моих.
Я хочу спать, я так любил, я заслужил безмолвие.*

*Не произноси моего имени, когда узнаешь, что я умер,
Из сумрачной земли приду я на твой голос.*

*Не произноси моего имени, не произноси моего имени,
Когда узнаешь, что я умер, не произноси моего имени.*

Роке был убит «товарищами» накануне своего сорокалетия — в тот же год, когда исчезла Лил. Неизвестно, было ли его стихотворение ответом на стихотворение любимой или она так помянула друга, но в мире, где хранятся наши имена, эти стихи навсегда останутся единой каплей в море, что примет всех.

*Mi nombre aquel
no lo pronuncies ni siquiera
en vos baja
espera
ya volveré a ser yo
cuando la muerte o cuando
el triunfo.*

*Моё имя
Не произноси моего имени,
даже вполголоса.
Погожди,
и я снова стану собой
в смерти
или
в триумфе.*